АЛЛА КРАСКО

ФОНТАННЫЙ ДОМ *его сиятельства* ГРАФА ШЕРЕМЕТЕВА

ЖИЗНЬ И БЫТ ОБИТАТЕЛЕЙ И СЛУЖИТЕЛЕЙ

1712 — 1917

НЕИЗВЕСТНЫЙ МИР ДВОРЦОВОЙ УСАДЬБЫ
ЛИЦА И СУДЬБЫ. ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ

Всё о Санкт-Петербурге

Алла Краско

Фонтанный дом его сиятельства графа Шереметева. Жизнь и быт обитателей и служителей

«Центрполиграф»

2019

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)

Краско А. В.

Фонтанный дом его сиятельства графа Шереметева. Жизнь и быт обитателей и служителей / А. В. Краско — «Центрполиграф», 2019 — (Всё о Санкт-Петербурге)

ISBN 978-5-227-08283-1

Новая книга историка Аллы Краско охватывает период, когда усадьба на Фонтанке находилась в собственности графов Шереметевых, представителей одного из самых древних русских родов. Изложение идет от владельца к владельцу, но героями книги являются не хозяева, а их служащие, которые обеспечивали жизнь легендарного Шереметевского дворца. За два века там обреталось немало вольнослужащих: архитекторы, доктора, церковнослужители, музыканты… Среди них много известных имен: профессор А.П. Куницын, сенатор И.Ф. Апрелев, князь Ф.М. Касаткин-Ростовский, архитектор Кваренги… Среди крепостных в Фонтанном доме служили целые династии управителей, конторских служащих, личных слуг… Архивные документы хранят память о многих служителях «дома его сиятельства графа Шереметева». Задачей книги было внимательно посмотреть на людей из этого мира. Среда крепостных рождала большие таланты, лидеров и аутсайдеров, добрых и злых, приспособленцев и изгоев. Их судьбы полны событий и интересны не менее, чем у именитых современников. Два века жизни усадьбы при графах Шереметевых ушли в далекое прошлое, но сохранилось множество архивных документов. В течение почти сорока лет автор собирала уникальные исторические материалы. В книге нет ни одного придуманного сюжета, ее основа – многие тысячи документов шереметевских архивов, и абсолютное большинство фактов сегодня публикуется впервые. Издание адресовано краеведам, историкам и всем, кого интересует прошлое Северной столицы.

УДК 94(470.23-25)

ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)

ISBN 978-5-227-08283-1

© Краско А. В., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

О чем эта книга: предисловие автора 7
Фонтанный дом при первых владельцах: фельдмаршал граф Борис Петрович Шереметев и его вдова графиня Анна Петровна 16
Второй владелец Фонтанного дома граф Петр Борисович Шереметев и его служители 20
Счастливые годы Фонтанного дома 24
Переезд графа Петра Борисовича в Москву 28
Система управления имениями в XVIII в 30
Домовая канцелярия 32
Василий Замятин и его семья 34
Семья служителей Чубаровых 35
Александровы 36
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Алла Краско
Фонтанный дом его сиятельства графа Шереметева. Жизнь и быт обитателей и служителей

Серия «Всё о Санкт-Петербурге» выпускается с 2003 года
Автор идеи Дмитрий Шипетин
Руководитель проекта Эдуард Сироткин

© Краско А.В., 2019
© «Центрполиграф», 2019

О чем эта книга: предисловие автора

Адрес Фонтанного дома графов Шереметевых – Санкт-Петербург, набережная реки Фонтанки, 34. Название «Фонтанный дом» возникло в середине XVIII в., так назвал свою усадьбу сам владелец, имея в виду ее местоположение. Сейчас чаще говорят – Шереметевский дворец, это одна из самых известных и привлекательных исторических достопримечательностей Санкт-Петербурга, памятник архитектуры XVIII в.

Фонтанный дом – почти ровесник Санкт-Петербурга. Если город основан в 1703 г., то датой рождения усадьбы надо считать 1712-й, когда новый город на берегах Невы стал фактически столицей Российского государства. По воле Петра I все его сподвижники, начиная с генерал-губернатора А.Д. Меншикова, должны были в короткий срок выстроить здесь свои загородные дома. Фонтанка считалась тогда границей Петербурга, а город – это Петропавловская крепость, Адмиралтейская верфь на левом берегу Невы, Петербургская сторона и Васильевский остров. Среди тех, кто получил в Городовой канцелярии «данную» на владение участком по берегу реки Безымянный Ерик (позже получившей название Фонтанки), был и фельдмаршал граф Борис Петрович Шереметев, победитель шведов под Полтавой в 1709 г., а в следующем, 1710 г., отвоевавший у шведов Ригу.

Усадьба на набережной Фонтанки принадлежала потомкам фельдмаршала на протяжении двух веков. Летом 1918 г. ее национализировали, здесь работали различные учреждения, в том числе Дом занимательной науки, Арктический институт, театр и некоторые другие. Сейчас на территории усадьбы много хозяев. Здесь находятся два музея и театр. В главном усадебном доме, сохраняющем историческое название Шереметевский дворец, работает Музей музыки, филиал Государственного музея театрального и музыкального искусства.

В южном флигеле усадебного дома в 1989 г. открылся музей Анны Ахматовой. В помещении бывшего манежа, переделанного в театральный зал еще при Шереметевых, дает свои спектакли Театр на Литейном. В Фонтанном флигеле работает Дворец учащейся молодежи. Большинство бывших хозяйственных построек превращены в жилые квартиры.

Но Фонтанный дом – это не только дворец, но целый мир, который напоминает дворянскую усадьбу, многие тысячи которых создавались в провинции и реже – в столицах, а до нашего времени дошли буквально единицы. Усадьба графов Шереметевых простирается от набережной реки Фонтанки до Литейного проспекта. Главный усадебный дом – старинное двухэтажное сооружение с мезонином и с чугунным балконом на фасаде. От проезжей части набережной Фонтанки он отгорожен одной из самых красивых решеток Петербурга. За оградой расположены парадный двор и служебные флигели, за домом – сад.

Этой усадьбе посвящено множество публикаций, в том числе книга автора этих строк[1]. В ней, как и в большинстве других, главное внимание уделено истории Фонтанного дома как дворцово-паркового ансамбля и личностям владельцев усадьбы. В книге, которую вы держите в руках, предпринята попытка рассказать о тех людях, которые на протяжении двух веков – с начала XVIII по начало XX столетия – обеспечивали жизнь графской усадьбы. Тысячи нитей связывали владельцев с окружающими их людьми: дворовыми служителями времен крепостного права, вольнонаемными служащими в последующий период, с жильцами и учреждениями, арендовавшими при графах Шереметевых помещения на территории усадьбы. Не всегда их разделяли непреодолимые препятствия, хотя принадлежали они к разным социальным слоям.

[1] *Краско А.В.* Три века городской усадьбы графов Шереметевых. СПб., 2009.

Вид Главного дома усадьбы со стороны сада. Современное фото

В советской историографии выводы исследователей однозначны: крепостные, особенно дворовые люди, – это угнетаемая, бесправная масса. Применительно к Шереметевым взгляд исследователей этой проблемы характеризуется, например, широко известной работой К.Н. Щепетова «Крепостное право в вотчинах Шереметевых»[2]. В ней приведен богатый фактический материал об экономическом положении помещичьих (крепостных) крестьян в разных имениях. Но оно в меньшей степени охватывает жизнь и быт дворовых главной петербургской усадьбы графов Шереметевых. Московская исследовательница Н.А. Елизарова опубликовала замечательную работу «Театры Шереметевых», в которой собран богатейший материал об этом уникальном историческом и культурном феномене русского XVIII в. Хотя в Фонтанном доме не было театрального зала, но здесь жили некоторые члены бывшей крепостной труппы, в том числе Прасковья Жемчугова, ставшая графиней Шереметевой.

[2] *Щепетов К.Н.* Крепостное право в вотчинах Шереметевых. 1708–1885. М., 1947.

Вид Главного дома усадьбы со стороны сада

Некоторый материал о жизни крепостных можно найти в книге А.Г. Яцевича «Крепостной Петербург пушкинского времени»[3], опубликованной в столетнюю годовщину гибели поэта. Книга посвящена быту крепостных служителей конца XVIII – первой трети XIX в., обеспечивавших жизнь столичных аристократических семейств. Андрей Григорьевич Яцевич (1887–1942, умер в блокадном Ленинграде) – искусствовед, пушкинист, член краеведческого общества «Старый Петербург» (затем – «Старый Петербург – Новый Ленинград»), много сделавший для спасения русской культуры дореволюционного времени. Книга Яцевича также основана на архивных и мемуарных источниках, но она, в силу идеологических установок того времени, выдержана в разоблачительном ключе, что вполне понятно: «Стоящее у власти дворянство поддерживало крепостной строй, всецело отвечавший его интересам…» Автор цитирует Карамзина: «Сколько людей погибло… Можно сказать, что Петербург основан на слезах и трупах…», откуда и пошло расхожее рассуждение о новой столице России, стоящей на костях крепостных.

В 1830-х гг. население столицы насчитывало около 450 тысяч населения, из них – около 200 тысяч крестьян, большую половину которых составляли крестьяне помещичьи, в основном дворовые люди. У Яцевича есть пассаж о «подобострастной дворне», он приводит, например, отрывок из письма поэта Веневитинова о том, как его встречали дворовые люди по приезде в деревню: «Если радость написана на их лицах, то не думаю, что она жила в их сердцах…» Именно эта книга стала источником обвинения Шереметевых в нежелании отпускать своих крепостных на волю даже за выкуп, объясняя это тем, что они кичились своими рабами, особенно успешными в какой-либо деятельности, что составляло часть особого фамильного кодекса. Как правило, Яцевич опирался в своих выводах на свидетельства неких иностранцев.

[3] *Яцевич А.Г.* Крепостной Петербург Пушкинского времени. Л., 1937.

Прочтя главу из его книги о дворовых людях, понимаешь, откуда берутся и множатся небылицы о некоем «графе Шереметеве», который совершает абсолютно невозможные в действительности поступки по отношению к своим служителям.

При этом А.Г. Яцевич справедливо отмечает, что между барином и его крепостными служителями нередко устанавливались патриархальные отношения, говорит о некоем «счастливом меньшинстве» из верхушки крепостных, особо приближенных к барину, которому служат. Автор книги рассказывает о том, как устроена жизнь барских усадеб, о главных, «значительных», лицах в крепостной дворне.

В 1930-х гг. историк архитектуры С.В. Безсонов занимался исследованием вклада крепостных архитекторов в историю зодчества начиная с периода Средневековья. Он опубликовал результаты своих разысканий, которые и до наших дней не потеряли своей информационной ценности[4]. В его книге можно найти краткие сведения о двух десятках крепостных зодчих Шереметевых, строивших в Кускове, в Фонтанном доме в Петербурге, в Останкине, в Москве.

Названные книги типичны для своего времени. В последние десятилетия историками, генеалогами, искусствоведами, музейщиками много сделано для того, чтобы картина жизни людей эпохи крепостного права предстала не столь примитивной. Появились работы о замечательных людях или даже династиях, живших и творивших в эпоху крепостного права. Библиография их очень значительна. Исследования феномена дворца-театра Останкина продолжили Л.А. Лепская и другие сотрудники Останкинского дворца-музея, который удалось спасти, открыв там в конце 1930-х гг. Музей творчества крепостных. Внесли свою лепту в изучение жизни и быта служителей Фонтанного дома сотрудники филиала Государственного музея театрального и музыкального искусства «Шереметевский дворец-музей музыки». Историк О.А. Ходякова защитила в 1995 г. кандидатскую диссертацию о материалах родового архива графов Шереметевых как ценном источнике по истории и культурной жизни России первой половины XIX в. Музыковед О.А. Великанова пишет о заслугах Шереметевых и их служащих перед русской музыкальной культурой. Большой знаток старинных музыкальных инструментов В.В. Кошелев собирает и публикует сведения о шереметевских крепостных мастерах, создававших музыкальные инструменты. Найденные материалы используются для подготовки музейных выставок, на которых перед посетителями предстают не только владельцы Фонтанного дома, но и их служители.

Два века жизни усадьбы при графах Шереметевых ушли в далекое прошлое, но сохранилось множество архивных документов, прежде всего родовой архив Шереметевых с десятками тысяч единиц хранения. В их числе, например, списки служителей 1768, 1774, 1802, 1870-х, 1914 гг., ревизские сказки, переписка владельцев со служащими, инструкции и многие другие материалы. Последний предреволюционный владелец усадьбы граф Сергей Дмитриевич Шереметев, хранитель «семейной старины», опубликовал сотни документов из родового архива сначала в журнале «Русский архив», затем несколькими сборниками под названием «Отголоски XVIII века» и «Столетние отголоски», а также серию замечательных мемуаров, в том числе книги «Домашняя старина» и «Воспоминания о службах в нашей домовой церкви». В них он упоминает десятки семей или отдельных людей, тесно связанных с Фонтанным домом – учителей, врачей, архитекторов, управителей, разных других служителей, которых он помнил и знал лично или о ком слышал из рассказов отца или Татьяны Васильевны Шлыковой.

Но за два века жизни барской усадьбы таких людей там обитало значительно больше. К сожалению, мы знаем о них до обидного мало. Их имена упоминаются в хозяйственных документах родового архива или на страницах метрических книг и исповедных ведомостей церкви Симеона и Анны на Моховой улице, в приходе которой находился Фонтанный дом. Но как они выглядели, о чем думали, как относились к трудностям жизни, кого выбирали в

[4] *Безсонов С.В.* Крепостные архитекторы. Словарь крепостных архитекторов. М., 1938.

жены или мужья, как воспитывали детей – это и хотелось узнать, погрузившись в те источники информации, которые есть в нашем распоряжении.

ВОСПОМИНАНІЯ

О

СЛУЖБАХЪ

ВЪ НАШЕЙ ДОМОВОЙ ЦЕРКВИ.

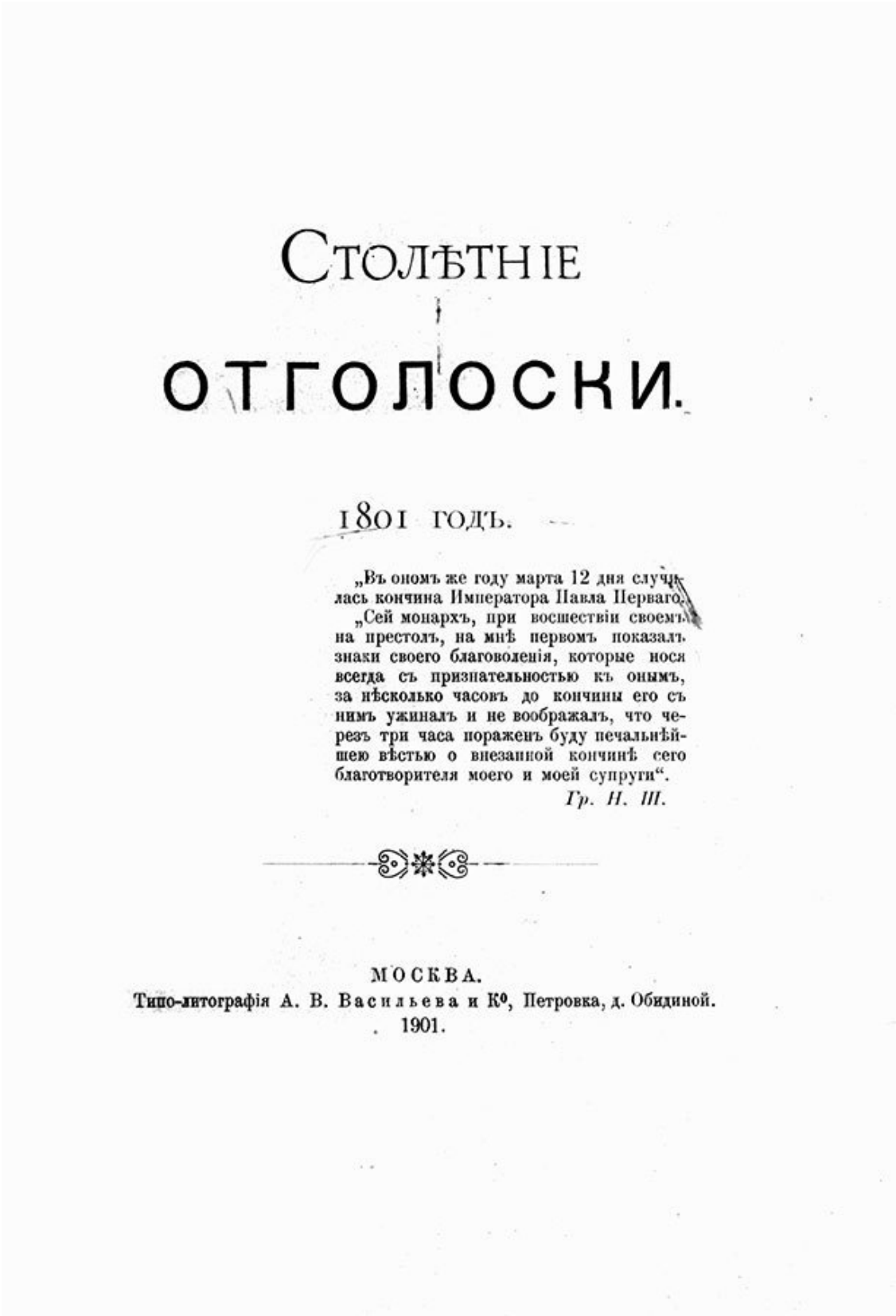
ГРАФА С. Д. ШЕРЕМЕТЕВА.

758/51

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1894.

Обложка книги «Воспоминания о службах в нашей домовой церкви графа С.Д. Шереметева»



СТОЛѢТНІЕ

ОТГОЛОСКИ.

1801 ГОДЪ.

„Въ ономъ же году марта 12 дня случилась кончина Императора Павла Перваго.

„Сей монархъ, при восшествіи своемъ на престолъ, на мнѣ первомъ показалъ знаки своего благоволенія, которые нося всегда съ признательностью къ онымъ, за нѣсколько часовъ до кончины его съ нимъ ужиналъ и не воображалъ, что черезъ три часа пораженъ буду печальнѣйшею вѣстью о внезапной кончинѣ сего благотворителя моего и моей супруги".

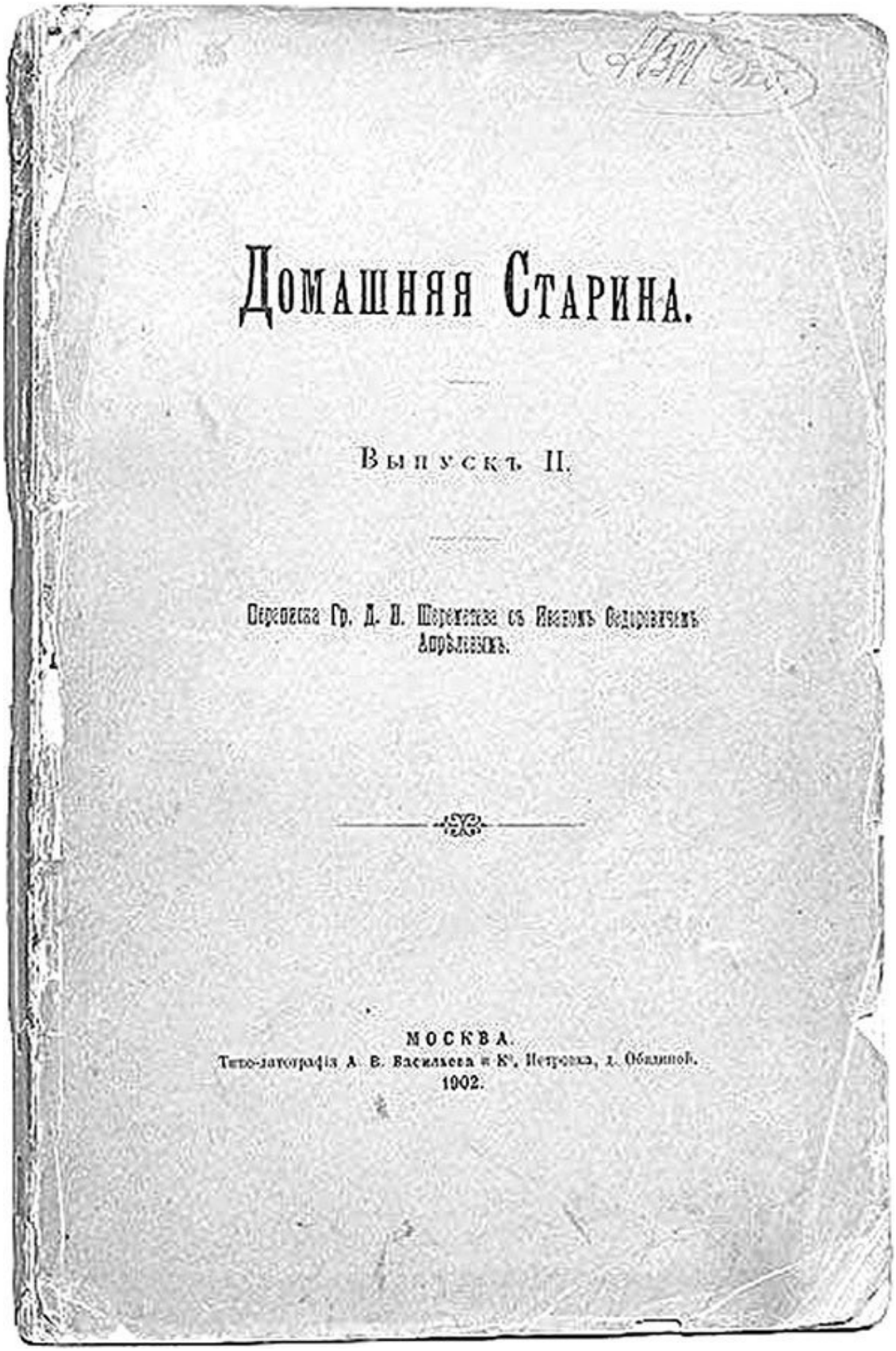
Гр. Н. Ш.

МОСКВА.

Типо-литографія А. В. Васильева и К°, Петровка, д. Обидиной.

1901.

Обложка книги «Столетние отголоски»



Домашняя Старина.

Выпускъ II.

Переписка Гр. Д. Н. Шереметева съ Иваномъ Федоровичемъ Дорбленскимъ.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К°, Петровка, д. Обалиной.
1902.

Обложка книги «Домашняя старина»

Ленинградский Центральный Дом Работников Просвещения.

З. А. ЭДЕЛЬШТЕЙН.

ПОМЕЩИК И ЕГО КРЕПОСТНЫЕ

(Экскурсия в бывш. особняк Шереметевых Фонтанка, д. № 34).

ЛЕНИНГРАД
1926 г.

Обложка книги «Помещик и его крепостные»

Стиль жизни Фонтанного дома – как его хозяев, так и служителей – в первую очередь определялся личностью конкретного владельца, его общественным положением, размером состояния, воспитанием, а также потребностями членов его семьи, их пристрастиями и, наконец, модой своего времени. И, конечно, самим историческим моментом.

Шереметевы со времен Средневековья и до 1917 г. принадлежали к элите Российского государства как по знатности, богатству, родственным связям, так и по служебному положению и заслугам перед Отечеством. Большинство служащих в их имениях до 1861 г., в первую очередь в петербургской усадьбе, – это по преимуществу крепостные. Дворовые люди графов Шереметевых – это целые кланы, несколько поколений одной семьи. В этом смысле шереметевские дворовые ничем не отличались от тех, кто из поколения в поколение служил при Дворе русских Императоров, о чем пишет, например, генерал-лейтенант А.А. Мосолов, почти два десятка лет служивший начальником Канцелярии Министерства Императорского Двора[5].

Фонтанный дом до 1861 г. и после отмены крепостного права – это разные стили жизни и разные взаимоотношения между владельцами усадьбы и их служащими.

Для XVIII в. в отношениях между хозяевами и их служащими действительно характерна патриархальность, велика роль традиций. После отмены крепостного права в Фонтанном доме служили «по вольному найму». Среди них были и те, кто служил при крепостном праве, или их потомки. Но были люди и другого социального статуса, не связанные прежде с Фонтанным домом, – от потомственных дворян, даже титулованных, в должности главноуправляющих до крестьян разных губерний или мещан, служивших на разных должностях. Началось «размывание» прежнего стиля отношений между хозяевами и их служащими. Происходило расслоение внутри самого сообщества служителей по их имущественному положению и, как следствие, трансформация социального статуса и их самих, и их детей и внуков. Получив свободу, они поступали в учебные заведения, становились чиновниками, врачами, юристами, переходили в другие сословия, некоторые получали права потомственных дворян. Заглядывая в прошлое, мы видим там много поучительного и неожиданного, что часто ломает принятые стереотипы.

В этой книге предпринята попытка проследить, как в течение двух веков менялась жизнь обитателей Фонтанного дома. Рассказ построен в хронологической последовательности, от владельца к владельцу усадьбы. Большая часть книги касается времени существования крепостного права (с 1712 по 1861 г.). Многие имена и события, описанные в книге, будут представлены читателю впервые.

[5] *Мосолов А.А.* При Дворе последнего Императора. М., 1992. С. 217–218.

Фонтанный дом при первых владельцах: фельдмаршал граф Борис Петрович Шереметев и его вдова графиня Анна Петровна

Первый владелец участка фельдмаршал граф Борис Петрович Шереметев (1653–1719) получил «данную» на освоение участка земли, но по занятости на театре военных действий не мог лично заниматься обустройством усадьбы. Он пробыл в Петербурге весной 1712 г. сравнительно недолго. Однако, правда, успел за это время жениться на молодой вдове Анне Петровне Нарышкиной (1677–1728), бывшей первым браком за Львом Кирилловичем Нарышкиным, дядей Петра I. После смерти первого мужа сам царь сосватал молодую вдову престарелому фельдмаршалу Шереметеву. Вскоре Борис Петрович должен был отправиться на театр военных действий, в Померанию, – Северная война продолжалась. Молодая супруга поехала вместе с ним. На протяжении семи лет их жизни Анна Петровна родила мужу пятерых детей: Петра (родился в 1713), Наталью (1714), Сергея (1715), Веру (1716) и Екатерину (1717). Последний год своей жизни фельдмаршал провел в Москве, упросив Петра I отпустить его на покой «по старости и за ранами». Он скончался в 1719 г. По желанию царя как душеприказчика умершего фельдмаршала, тело графа Б.П. Шереметева предали земле в Петербурге, в Александро-Невском монастыре.

Графиня Анна Петровна Шереметева, овдовев вторично, жила в основном в московском доме или в подмосковных усадьбах, иногда бывала и в Петербурге. По свойству с Петром I она и ее дети от обоих браков были приняты при Дворе. Графиня Анна Петровна «фельдмаршалова», как ее называли современники, в 1720-х гг. прилагала некоторые усилия по застройке участка на Фонтанке, на Московской стороне, как именовалась эта часть Петербурга в то время. Здесь находился некий дом, при котором жили крепостные служители. Из сохранившихся документов о застройке участка явствует, что их строили «по чертежу каменное и деревянное строение и для выезду к церкви Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы на Моховую улицу… сделаны были ворота…». Есть упоминание о неких постройках в документе 1727 г. При археологических исследованиях, проводившихся уже в наше время в процессе реставрационных работ, обнаружили фрагменты старых построек[6]. Но никаких капитальных строений, скорее всего, не было. Отчасти это объясняется тем, что после смерти Петра I и Екатерины I столица вновь переместилась в Москву и возвращена в Петербург лишь в 1732 г., при императрице Анне Иоанновне.

[6] *Матвеев Б.М.* Фонтанный дом. История строительства и перестроек (1712–1990) // Усадьба графов Шереметевых Фонтанный дом. СПб., 2012. С. 9–89.

Б.П. Шереметев

В документах, хранящихся в архиве, сохранились распоряжения графини Анны Петровны, отданные служителям, в том числе петербургскому управителю. Первым управителем Фонтанного дома служил некий Иоганн-Карлус Бем. В документах шереметевского архива его

имя чаще всего писалось на русский манер – Иван Петров Бем или Иван Бемов, он значится либо управителем дома графа Шереметева, либо дворецким вплоть до середины XVIII в. Происхождение этого человека, одного из первых в череде сотен и сотен служителей, точно неизвестно. Можно предположить, что его взяли в Петербург из Пебалгской мызы в Лифляндии, ее пожаловали фельдмаршалу Б.П. Шереметеву после завоевания в 1710 г. русскими войсками под его предводительством Риги. Пебалгская мыза находилась неподалеку от города Вендена (ныне – город Цесис в Латвии). Характерно, что связи между петербургскими служителями дома графов Шереметевых и служителями Пебалгской вотчины и с обывателями соседних городов Лифляндии в дальнейшем прослеживаются неоднократно.

Еще с середины XVII в. повелось так, что один раз в год православные люди должны были прийти к исповеди и причастию в свой приходский храм. Их имена записывали в особый документ (исповедную ведомость) с указанием социального положения и возраста. Ныне эти документы хранятся в государственных архивах. Двор графа Шереметева, как его называли, относился к приходу церкви Симеона и Анны на Моховой улице. Будучи православным, Иван Бем исповедовался и причащался Св. Таин в этой церкви. Исповедные ведомости этого храма находятся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). В ведомости 1750 г. записано, что ему 67 лет, – стало быть, он родился около 1687 г. Вместе с ним к исповеди приходили его жена, Елена Максимова, 39 лет, дочь Екатерина Иванова, 14 лет, и сын Александр Иванов, 12 лет. Если наша догадка о происхождении Ивана Бема из Прибалтики верна, то он не был крепостным (как помещичьи крестьяне Центральной России), поскольку положение крестьян в прибалтийских губерниях регулировалось особым законодательством. Забегая вперед, скажем, что и при сыне фельдмаршала, и при его внуке в Фонтанном доме служили другие люди с этой же фамилией. Так, в 1774 г. в тульской вотчине графов Шереметевых служил конюшим некий Дмитрий Бемов. Но пока не удалось установить, кем именно они приходились Ивану Петровичу Бему – однофамильцами или родственниками. Это характерная черта того времени – служили кланами, в нескольких поколениях. Об этом речь пойдет ниже.

Графиня А.П. Шереметева

Графиня Анна Петровна Шереметева уделяла основное внимание подмосковным вотчинам. Ей приходилось также тратить много сил на отстаивание своих интересов при юридическом закреплении за нею пожалованных фельдмаршалу владений.

После ее смерти основные родовые владения перешли в собственность ее сына, графа Петра Борисовича Шереметева. Фельдмаршал граф Б.П. Шереметев имел детей и от первого брака с рано умершей Евдокией Алексеевной, урожденной Чириковой. Старший его сын, граф Михаил Борисович, к тому времени уже скончался, дочери были наделены приданым при выходе в замужество. В то время действовал введенный в практику Петром I закон о единонаследии, по которому владелец передавал свое имение одному наследнику по своему выбору, возлагая на него обязанность позаботиться и о других членах семьи. Естественным образом наследство получил старший сын фельдмаршала от второго брака.

Второй владелец Фонтанного дома граф Петр Борисович Шереметев и его служители

Граф Петр Борисович Шереметев (1713–1788) прожил длинную жизнь, частью в Москве, частью в Петербурге. Он достиг высокого положения в обществе: получил генеральский чин (хотя в военных кампаниях и не участвовал), придворное звание обер-камергера Двора, кавалер ордена Св. Андрея Первозванного; Екатерина II назначила его сенатором.

Граф П.Б. Шереметев считался одним из богатейших людей России. Усадьба на Фонтанке изначально не была самой старой или самой значимой из его имений. Однако его видное положение в обществе и женитьба в 1743 г. на княжне Варваре Алексеевне Черкасской стали причиной того, что он превратил Фонтанный дом в свою главную столичную резиденцию.

На годы царствования императрицы Елизаветы Петровны пришелся первый юбилей Петербурга – его 50-летие. К середине XVIII столетия новая столица уже приобрела достойный облик: перестраивались старые и возводились новые императорские резиденции, роскошные усадьбы создавали и первые вельможи государства. На берегах Фонтанки возникли Летний дворец самой Елизаветы Петровны (на его месте позже будет построен Михайловский замок), Аничкова усадьба графа Разумовского, усадьбы графа М.И. Воронцова, графа Г.И. Чернышева, князя Б.Г. Юсупова. Свое место в этом дворцово-парковом ожерелье заняла усадьба графа Петра Борисовича Шереметева. Именно хозяин и дал то название усадьбе, которое сохраняется и поныне – Фонтанный дом, по месту ее расположения. В повелениях служителям он нередко писал: «В Фонтанном моем доме…»

Граф П.Б. Шереметев

Постройкой главного усадебного дома занимались преимущественно крепостные люди графа Петра Борисовича. Основная ответственность за ход работ была возложена на Федора Аргунова, одного из членов замечательной династии крепостных архитекторов и художников[7]. «Смотрение» над строительством осуществлял архитектор Савва Иванович Чевакинский[8], но являлся ли он автором проекта – неизвестно.

[7] *Лансере Н.Е.* Фонтанный дом (Постройка и переделки) // Записки историко-бытового отдела Государственного Русского музея. Т. 1. Л., 1928. С. 61–80. (Далее – Записки ИБО).

[8] Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1088 (Шереметевы). Оп. 12. Д. 59. Справка о подарках, полученных архитектором С.И. Чевакинским за смотрение Фонтанного дома… 1746–1751 гг.

Датой окончания основных строительных и отделочных работ можно считать осень 1750 г., когда освятили домовую церковь во имя Святой великомученицы Варвары. Она располагалась в северном крыле дома (в стороне Невского проспекта) и пользовалась особым вниманием всех последующих владельцев Фонтанного дома. Священник, дьякон и псаломщик домовой церкви назначались духовными властями, но, естественно, с согласия хозяина, который брал на себя определенные финансовые обязательства относительно обеспечения своей церкви и ее служителей. При крещении детей священнослужителей восприемниками (крестными родителями становились или графы Шереметевы, или по крайней мере управители, что подчеркивало особое отношение к служителям своей церкви. Первым или одним из первых священников был о. Алексей Семенов, в метрической книге приходской церкви 1758 г. есть запись о его смерти в возрасте 35 лет[9]. Служба в православном храме ведется в сопровождении певчих. Первоначально их было не так много, преимущественно это крепостные люди Шереметевых из их вотчин в Белгородской округе. В 1753 г. упоминается, например, певчий-бас Григорий Мамонтов, исполнявший обязанности регента. Умер Мамонтов в 1795 г., прослужив у Шереметевых около полувека. В 1759 г. из Борисовки в Москву прислан бас «Григорий Федоров сын Янпольский двадцати лет»[10].

[9] Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб.). Ф. 19 (Петроградская духовная консистория). Оп. 111. Д. 44. Л. 413. Метрическая книга (далее – М. к.).

[10] РГИА Ф. 1088. Оп. 6. Д. 983.

Графиня В.А. Шереметева

Графская семья разрасталась: у супругов один за другим рождались дети: Анна (1744–1768), Борис (1745–1758), Алексей (1746–1748), Мария (1747–1748), Николай (1751–1809), Варвара (1759–1824). Трое из них скончались либо в младенчестве, либо в отрочестве. Дети получили, как тогда было принято, домашнее воспитание. В документах шереметевского родового архива сохранилась недатированная записка графа Петра Борисовича служителю Чубарову об обучении детей Анны, Николая и Варвары музыке и пению.

Счастливые годы Фонтанного дома

Дом был, что называется, полная чаша. Служба графа П.Б. Шереметева при Дворе предполагала своего рода обязанность иметь «открытый дом», поэтому в 1750–1760-е гг. Фонтанный дом считался одним из великосветских центров Петербурга. На праздничных обедах, маскарадах и домашних спектаклях здесь бывали члены Императорской фамилии, придворные, члены аристократических семейств, входившие в круг общения семьи Шереметевых.

В зимний сезон 1765 г., когда старшая дочь была уже «на выданье», отец неоднократно устраивал «на нарочито сделанном театре» спектакли, где игрались переведенные с французского языка пьесы, причем роли исполняли актеры-любители – графы Шереметевы, Строгановы, Чернышевы, князья Хованские и Белосельские-Белозерские. После спектаклей обычно устраивались ужины на 100–120 персон. Один из спектаклей посетила Екатерина II. В «Записках» Порошина, воспитателя великого князя Павла Петровича, читаем запись от 1 февраля 1765 г.: «…у графа Петра Борисовича Шереметева была сего дня ввечеру представлена в доме комедия, на которой Его Высочество по оной причине (болезни. – *А. К.*) быть не изволил. Ея Величество изволила тут присутствовать…»[11] Об этом спектакле сообщала газета «Санкт-Петербургские ведомости». В феврале следующего, 1766 г., та же газета рассказала о спектакле у графа Шереметева, в котором участвовал наследник престола.

В архиве сохранился интересный документ – «Ведомость о расходах по устройству маскарадов 26 и 28 февраля 1755 года»[12]. Вина подали на сумму 528 руб.: мускатель красное и белое, бургонское, мадера, портвейн, рейнвейн, шампанское белое и красное, отдельно французские вина. Все виноградные вина стоили 1330 руб. На столовые припасы: фрукты, конфеты и сыры – истрачено 809 руб. В Гостином дворе бралась напрокат фарфоровая посуда, уплачено 105 руб., на 34 руб. посуды разбито. Деньги были потрачены и на платье «людям», которым шились парадные ливреи. Платили также «солдатам, что были на карауле».

Обслуживало хозяев и их гостей множество людей – среди них и вольнонаемные, служившие по контракту. Из документов начала 1770-х гг. известны некоторые имена: садовник немец Крестьян (Христиан) Элерс, при котором состояли три садовых ученика из крепостных. Трудно сказать, имел ли он отношение к семье известных петербургских садовников Эйлерсов, которые в более поздние времена украшали самые знаменитые общественные и частные парки. Добавим, что близкая по написанию фамилия фигурирует в связи с Фонтанным домом в 1778 г.: управитель графа П.Б. Шереметева Петр Александров записан восприемником при крещении в приходской Симеоновской церкви новорожденного младенца Михаила, сына «придворного золотошвейного мастера Семена Юрьева Элера»[13], и вряд ли это случайность.

Был у графа Петра Борисовича лекарь Иван Вейбрехт «для пользования служителей и дворовых людей»: возможно, этот тот Иоганн Вейбрехт, который служил при Дворе Анны Иоанновны. Среди вольнонаемных значился «Канцелярии от строений печной мастер» Иван Вальбрехт, егерь Франсуа[14]. Заметим, что их фамилии в сохранившихся документах домового архива читаются нечетко, но понятно, что это иностранцы, подвизавшиеся в России.

Но большинство служителей – это крепостные дворовые люди. В собственности графов Шереметевых находились больше ста тысяч крепостных людей мужского пола (ревизских душ). Абсолютное большинство крестьян жило в многочисленных имениях, которые по старой

---

[11] Записки Порошина. СПб., 1882. С. 252–253.

[12] РГИА. Ф. 1088. Оп. 3. Д. 1405.

[13] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 84. Л. 454. М. к.

[14] РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 1512. Списки служителей при санкт-петербургских домах и мызах… 1774 г.

традиции именовались вотчинами. Крестьяне работали на помещика либо в форме барщины, либо уплачивали оброк, зарабатывая деньги «отхожим промыслом» с разрешения барина («по паспортам»). Сравнительно небольшая часть крепостных переводилась («версталась») в дворовые, которые обслуживали непосредственно владельцев. Дворовые служители находились в полном подчинении хозяев, но вместе с тем на их обеспечении. В зависимости от исполняемого поручения они в XVIII – начале XIX в. получали денежное жалованье и «дачи» продуктами: зерно, мука, крупы, масло, мясо, а также дрова и свечи. Дворовые люди могли жить в усадьбе с семьей, могли жениться с разрешения владельца, могли быть переведены в другую вотчину и тем самым разлучены с семьей. От помещика зависело, насколько деспотически или гуманно реализовывал он право распоряжаться жизнью своих крепостных.

Число дворовых людей Фонтанного дома росло. В исповедной ведомости за 1750 г. записаны около 50 человек[15] «дому Его Сиятельства Графа Шереметева» служителей. Это преимущественно мужчины в возрасте 20–40 лет. Преобладание мужского элемента объясняется тем, что тогда в усадьбе полным ходом шли строительные работы.

В шереметевском архиве сохранился список служителей Фонтанного дома на 1768 г. Это своего рода «штатное расписание» с обозначением получаемого денежного содержания и выдаваемых от барина припасов (муки, круп, мяса, масла, солода, соли и т. д.). В списке названы имена 218 мужчин, женщин и «мальчиков», исполнявших те или иные обязанности[16]. В их числе те, кто непосредственно прислуживал хозяину и членам его семьи: камердинер (в переводе с немецкого – комнатный слуга), лакеи (21 человек!), «комнатные девушки» (горничные), а также те, кто обеспечивал жизнь такого большого и сложного механизма, как Фонтанный дом: дворецкий (отвечал за порядок в доме и во всей усадьбе), метрдотель (главный повар), мундшенки (служители, заведовавшие напитками), кофешенки (ответственные за приготовление чая, кофе, шоколада), официанты, конюший (отвечавший за конюшню владельцев), кучера, колесники, кузнецы, «клюшник», «фряжского погреба купорщик», скатертники, хлебники, обойщики, портные, парикмахер, башмачник, истопники, «полочисты», подьячие (писари), служительницы «у мытья и глажения белья», «у присмотру образов и вещей», «командирша над девушками, что в задней (имеются в виду непарадные помещения дома. – *А. К.*). В штате числились 8 певчих, живописец и дьякон «из малороссиян». Особый штат служителей состоял «при комнатах» молодого графа Николая Петровича, графини Анны Петровны и графини Варвары Петровны. Среди них «калмык», «черкешенка», «карлицы», «француженка Альбертина». В середине XVIII в. примерно так же был устроен и придворный штат, на который равнялись владельцы наиболее богатых домов. В «штатном расписании» Фонтанного дома состояли также многочисленные гайдуки и «мальчики», исполнявшие поручения не только членов семьи, но и главных служащих. Название некоторых обязанностей нам непонятны: например, в числе наиболее высокооплачиваемых (стало быть, важных) служащих – «свис», при котором полагалось быть «мальчику». Знатоки быта XVIII в. считают, что это служитель, исполнявший обязанности главного швейцара. Свису также надлежало наблюдать и контролировать хозяйственную жизнь усадьбы. Наиболее важные служители получали в 25–30 руб. в год, а некоторым полагалась отдельная выдача денег «на платье». Низшим служителям платили по 4–5 руб. В «штатном расписании» значились также вдовы и девушки из служителей, получавшие от графа пенсию.

О некоторых наиболее значимых служителях дома графа Шереметева удалось найти более подробные сведения. К сожалению, сохранившиеся документы родового архива не дают возможности более подробно узнать о других, даже самых близких к семье служителях. Мы

[15] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 90. Л. 536–537. Исповедная ведомость (далее – И. в.) церкви Симеона и Анны на Моховой улице 1750 г.

[16] РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 1509. Л. 1–7. Список служителей… 1768 г.

ничего не знаем, например, кроме имени и фамилии, об одном из первых дворецких Фонтанного дома Иване Уварове, а он, достигнув такого статуса, должен был быть незаурядным человеком. Большинство из высших служащих имели уже тогда полное фамильное прозвание: фамилию, имя и отчество. Среди служителей в 1750-х гг. был некий Василий Негодяев, который почему-то получил столь неблагозвучную фамилию. Так он записан в метрической книге приходской церкви Симеона и Анны при крещении дочерей Пелагеи и Прасковьи. Но когда в 1758 г. родился сын Петр, то в метрической книге отца записали Василием Годяевым[17] – видимо, слишком уж неблагозвучной показалась дьячку эта фамилия!

Метрические книги приходской церкви Симеона и Анны могут многое поведать о событиях, происходивших в семьях шереметевских служителей. В них дьячок (псаломщик) записывал новорожденных младенцев, которых крестили, имя и социальный статус отца (до середины 1820-х гг. имя матери не указывалось), имена восприемников (крестных родителей), а также браки с именами повенчанных жениха и невесты, имена отпетых в церкви умерших прихожан, их возраст, причину смерти и место захоронения. Конечно, не все служители графов Шереметевых обязаны были крестить своих детей или венчаться в приходской церкви, но все же статистика совершенных церковных таинств дает представление об их числе, об их родственных связях, продолжительности жизни, причинах смерти.

Записи обычно начинались словами: «Дому Его Сиятельства графа Шереметева…», иногда с прибавлением его чинов и наград. В начале 1750-х гг. крестили по одному-два младенца, случалась одна или две свадьбы, но умерших бывало больше. Так, в 1752 г. умерло пятеро: служитель Яков Петров, 48 лет, служитель Василий Никитин, 40 лет, служительницы Варвара Петрова, 40 лет, и Екатерина Дмитриева, 69 лет, и трехмесячный сын одного из служителей[18]. К середине 1760-х гг., когда жизнь в усадьбе, что называется, била ключом, в исповедной ведомости приходской церкви Симеона и Анны, например, за 1765 г. названо пришедших к исповеди «служителей дома графа Шереметева» 139 человек, в том числе 28 женщин и 111 мужчин[19]. И снова обращает на себя внимание тот факт, что женщин меньшинство, очень немногие служители жили здесь с женами. Среди служителей есть имена певчих, поскольку к тому времени в доме действовала домовая церковь Великомученицы Варвары. Встречаются имена братьев Александровых, будущих управителей Фонтанного дома – Дмитрия Александрова, 31 года, Петра Александрова, 27 лет и Никиты Александрова, 21 года, и других лиц, которые в будущем займут видное положение среди дворовых людей. И число крещеных служительских детей стало значительно больше: в том году крещено 10 младенцев, в том числе Анна, дочь Петра Иванова Гонзенкова, дьякона домовой церкви Великомученицы Варвары. Это действительно много – во всем приходе в том году появилось на свет чуть больше 60 младенцев.

При анализе записей в метрических книгах обращает на себя внимание важный факт в обычаях и образе жизни людей того времени: восприемниками (крестными родителями) при крещении детей крепостных служителей нередко выступали члены графской семьи, в том числе и дети графа Петра Борисовича Анна, Борис, Николай и Варвара. Крестные родители по христианскому обычаю несут ответственность перед Богом и людьми за судьбу своего крестника. Так, 6 июля 1755 г. у «служителя дому Его Сиятельства графа Петра Борисовича Шереметева» Семена Васильева родился сын Илья. Неизвестно, какое место он занимал в служительском штате, но восприемниками при крещении записаны дети хозяина, граф Борис Петрович и графиня Анна Петровна Шереметевы[20]. В 1756 г. они же стали восприемниками сына служителя Дмитрия Иванова. В 1757 г. молодые графы Шереметевы крестили пятерых

[17] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 44. Л. 413. М. к.

[18] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 32. Л. 398 об. и далее. М. к.

[19] Там же. Оп. 112. Д. 178. Л. 286 об.–288. И. в. 1765 г.

[20] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 38. Л. 402. М. к.

младенцев своих служителей (из шести родившихся). В 1759 г. они же записаны восприемниками при крещении троих младенцев (из четверых родившихся). Примерно такую же картину можно наблюдать и в записях метрических книг в первой половине 1760-х гг. Это необычное, на современный взгляд, явление характерно не только для графов Шереметевых, но и для других владельцев крепостных «душ» – И.И. Шувалова, графов Разумовских, князей Куракиных и других, живших в приходе этой церкви. Такую же картину мы видим в XVIII – начале XIX в. и при крещении детей у служителей богатых купцов. Отсюда вытекает вывод о том, что владельцы крепостных «душ» чувствовали себя ответственными за своих «людей», не отделяли себя от них непроходимой пропастью.

Часто крестными родителями становились управители Фонтанного дома как полномочные представители владельца, особенно если в это время владелец отсутствовал в Петербурге. Крестными бывали и простые служители Фонтанного дома. По обычаю, в этом качестве выступали близкие родственники новорожденных младенцев: бабушки и дедушки, старшие братья и сестры, дяди и тетки. В то время, о котором идет речь, родственные связи определить очень сложно, потому что в метрической записи имя матери ребенка еще не указывалось, а отцы, как правило, писались собственным именем с прибавлением имени отца (например, Иван Петров).

Многие из служителей «штата» 1768 г. будут продолжать службу и при следующем владельце, графе Николае Петровиче Шереметеве, а их потомки – вплоть до отмены крепостного права.

Переезд графа Петра Борисовича в Москву

В семье графов Шереметевых, как и в каждой семье, случались тяжелые времена. Осенью 1767 г. в возрасте 56 лет скончалась хозяйка дома, графиня Варвара Алексеевна, в январе следующего, 1768 г., умер граф Сергей Борисович, младший брат графа Петра, в мае того же года умерла его старшая дочь, графиня Анна Петровна, фрейлина Императрицы, незадолго до этого обрученная с графом Никитой Петровичем Паниным. Семнадцать счастливых лет Фонтанного дома закончились. Граф Петр Борисович «испросил» у императрицы Екатерины II отставку от службы при Дворе и в Сенате и покинул Петербург. Следующие 20 лет он жил в Москве и в своих подмосковных усадьбах – охотился в Маркове, любил бывать в Мещеринове, который обустраивали еще его отец и мать. Лишь однажды в 1782 г. он приезжал на короткое время в Петербург.

Граф Петр Борисович бывал в некоторых своих имениях, но управлял ими через постоянную переписку с управителями, посылая им «повеления» и получая от них «отписки» и рапорты. Многие из этих документов сохранились в родовом архиве Шереметевых, а часть даже опубликована в начале XX в. его правнуком, графом Сергеем Дмитриевичем Шереметевым, который с большим пиететом относился к своим предкам и к истории Фонтанного дома.

Больше всего граф Петр Борисович Шереметев любил и благоустраивал свою усадьбу в подмосковном селе Кусково. Помимо строительства нового дворца и разбивки парка, он завел здесь редкое и дорогое удовольствие – крепостной театр. Его сын и наследник граф Николай Петрович позже так писал об этом: «…Представился покойному отцу моему случай завести начально маленький театр, к чему способствовала уже довольно заведенная прежде музыкальная капель (капелла. – *А. К.*). Избраны были из служащих в доме способнейшие люди, приучены театральным действиям, и играны сперва небольшие пиесы»[21].

Усадьба графов Шереметевых «Кусково»

[21] «Поверенность сыну моему графу Димитрию Николаевичу о рождении его». Цит. по: *Станюкович В. С.* Домашний крепостной театр Шереметевых XVIII века. Л., 1927. С. 5.

По приказу графа управители сначала ближних, а потом и дальних вотчин выискивали талантливых крестьянских детей, привозили их в Кусково, там их обучали грамоте, пению, танцам, игре на музыкальных инструментах, а потом и иностранным языкам. Театральная труппа возникла в 1778 г. и состояла по преимуществу из молодых девушек и юношей. Театральные «залы» были обустроены в московском доме и в Кускове, в репертуаре театра – оперные спектакли с балетными дивертисментами. Капельмейстерами и учителями танцев для постановки балетных спектаклей иногда приглашались иностранцы. Декорации писали крепостные художники, в том числе Аргуновы и Кондратий Фунтусов.

Зрители приглашались на спектакли дважды в неделю, по четвергам и воскресеньям, причем приезжать могли не только знатные персоны, но и разночинцы. В эти дни гости имели возможность гулять в кусковском парке и «по билетам» смотреть спектакли. Посещали графа Петра Борисовича в Кускове и титулованные особы. Екатерина II побывала здесь дважды, один раз вместе с Императором Священной Римской империи Иосифом II. Они присутствовали на спектакле, который им очень понравился.

Шереметевские крепостные «люди» – актеры, музыканты, художники – принесли владельцам славу и заслужили добрую память о себе. К моменту смерти графа Петра Борисовича в штате театра состояло около 170 человек, в том числе 115 артистов и от 40 до 50 музыкантов. Молодой граф Николай Петрович Шереметев вступил в управление театром после возвращения из-за границы и сделал его лучшим частным театром России XVIII в.

Князь Петр Андреевич Вяземский позже так оценивал такое яркое явление отечественной культуры, как крепостные театры, которых в России было в конце XVIII – начале XIX в. немало: «Это явление приводит ныне в ретроспективный ужас жеманную филантропию и пошлый либерализм, но когда эти полубарские затеи, как иногда они не были бы неудачны и смешны, с другой стороны, развивали в крепостном состоянии хотя и невольные и темные, но не менее того некоторые понятия и чувства изящные. Если бы крепостное владение в России не имело бы других упреков и грехов на совести своей, а только эти полубарские затеи, то можно бы еще примириться с ним и отчасти сказать ему спасибо…»[22] Огромные богатства Шереметевых, составленные членами рода в течение нескольких столетий, давали возможность жить «на широкую ногу» и тратить деньги на такие дорогостоящие «затеи».

[22] Цит. по: Отголоски XVIII века. Вып. IV. Останкино в 1797 году. СПб., 1897. С. 80–81.

Система управления имениями в XVIII в

Шереметевы со времен Средневековья входили в элиту русского государства, их огромное состояние заключалось в обширных землях с крепостными крестьянами, частью жалованных за службу, частью купленных или полученных в приданое за женами. В числе таких имений – подмосковные вотчины Чиркино, Кусково, Мещериново[23], также земли в Тверском, Нижегородском и других уездах.

После смерти боярина Петра Васильевича Большого Шереметева (отца фельдмаршала и деда графа Петра Борисовича, который умер в 1690 г.) его сыновья раздели отцовское имение. Старший сын, Борис Петрович, его братья, Василий и Владимир, которые имели потомство, стали родоначальниками трех линий рода. Они сохранили и приумножили старые родовые вотчины.

Борис Петрович получил графский титул, его потомки образовали старшую (графскую) ветвь рода Шереметевых. Братья Василий и Владимир права на титул не имели, писались просто дворянами. Потомство генерал-майора Василия Петровича (1659–1733) получило условное название «нижегородской» дворянской ветви Шереметевых. Потомки генерал-поручика Владимира Петровича (1668–1737) образовали так называемую «московско-орловскую» дворянскую ветвь рода. Название «нижегородская» и «московско-орловская» объясняется географическим положением их главных родовых вотчин.

Все три брата, помимо родовых имений, получали новые земельные владения как награду за службу или в качестве приданого за женами. Так, Петр I пожаловал фельдмаршалу графу Б.П. Шереметеву Борисовскую вотчину (позже это Гайворонский уезд Курской губернии), она значится за фельдмаршалом с 1705 г. В 1706 г. он получил от царя Вощажниковскую волость («Графщину») в Ярославской губернии, в 1711 г. Петр I пожаловал фельдмаршалу имения в Лифляндии – дом в Риге и Пебалгскую мызу близ города Вендена (ныне – город Цесис в Латвийской республике), куда владелец переселил часть своих крепостных из Ярославской губернии. Ему также было пожаловано имение Молодой Туд в Тверской губернии.

Сын фельдмаршала, граф Петр Борисович, согласно Указу о единонаследии, по завещанию отца стал главным наследником родовых вотчин, получив около 60 тысяч крепостных. Приданое жены удвоило его состояние. За женой, Варварой Алексеевной, урожденной княжной Черкасской, в род графов Шереметевых перешли Алексеевская вотчина (Бирюченский уезд Воронежской губернии), Поим (Чембарский уезд Пензенской губернии), Серебряные пруды (Веневский уезд Тульской губернии), Ивановская (Шуйский уезд Владимирской губернии), село Останкино с деревнями в Подмосковье. Граф П.Б. Шереметев стал одним из богатейших помещиков Российской империи. Советские историки часто использовали для характеристики богатств Шереметевых фразу некоего иностранного путешественника о том, что у графа Шереметева сколько же крестьян, сколько у герцога Нассауского подданных.

По данным Генерального межевания земель Российской империи, проводившегося в 1772–1785 гг., за ним состояло в 17 губерниях по 62 уездам – 103 села, 27 селец, 1066 деревень, в которых жило крестьян: в родовых имениях – 93000 душ мужского и женского пола, в приданных за женою – 89000 душ обоего пола, земли за ним значилось 930793 десятины, ему же принадлежали вотчины, подаренные его отцу в Лифляндской губернии (Пебалгская мыза)[24]. Среди принадлежавших ему владений находились Воскресенская и Изварская мызы в Санкт-Петербургской губернии. Эти земли пожалованы старшему сыну фельдмаршала, графу Миха-

[23] РГИА Ф. 1088. Оп. 2. Д. 361. «Родовая круговина». Рукопись графа П.С. Шереметева. Ок. 1907 г.

[24] Данные Генерального межевания 1775 г. Цит. по справке к ф. 1088 (Шереметевы) в РГИА.

илу Борисовичу, умершему в 1714 г., а позже выкуплены у его наследников вдовой фельдмаршала, графиней Анной Петровной.

Совершенно очевидно, что благосостояние таких крупных помещиков напрямую зависело от эффективности управления имением.

Домовая канцелярия

Граф П.Б. Шереметев выстроил свою систему управления обширными вотчинами. Со стороны государства защиты крепостным не было почти никакой, их жизнь, а не только благосостояние, зависели от помещика – от его чувства ответственности за своих «подданных» и от его гуманизма. Граф Петр Борисович это «пространство власти» использовал разумно.

Его крестьяне, «сидевшие» на земле, находились на оброке – то есть каждый крестьянский двор («тягло») должен уплачивать определенную денежную сумму. В некоторых имениях крестьяне работали на поле в пользу барина – эта повинность именовалась барщиной. Некоторые крестьяне получали разрешение (паспорт) на «отхожий промысел» – они уходили в город, там зарабатывали деньги и также уплачивали определенную сумму в пользу владельца. Сравнительно небольшая часть крестьян, как уже говорилось, имела статус дворовых и обслуживала барские усадьбы. Все крестьяне должны были нести еще одну тяжелую повинность в пользу государства – поставлять рекрутов в армию. Администрация вотчин отправляла рекрутов по очереди или в наказание за провинности (вне очереди).

Управление имениями осуществлялась через Домовую канцелярию, которая в то время находилась в Москве, в так называемом Китайском доме (в собственном доме на Никольской улице на территории Китай-города). Лишь изредка граф П.Б. Шереметев лично посещал некоторые свои вотчины. Так, летом 1763 г. он совершил большой «вояж» по вотчинам в Ярославской, Нижегородской и Владимирской губерниях. Его сопровождали члены семьи, 49 человек служителей. «Дневник» этого путешествия, сохранившийся в домовом архиве Фонтанного дома, опубликован графом С.Д. Шереметевым[25].

Во главе Домовой канцелярии стоял главноуправляющий, который пользовался полным доверием хозяина. На эту должность нередко приглашались родственники или свойственники. Нет ничего удивительного в том, что даже титулованные особы соглашались принять на себя такие обязанности, особенно если у них была тяга к хозяйственной и административной деятельности или если они испытывали материальные затруднения. В первые годы XIX в. в этом качестве служил князь Федор Павлович Щербатов (1749–1810), генерал-поручик, правитель Выборгского наместничества, который приходился внучатым племянником графу П.Б. Шереметеву: его бабка Анна Васильевна Шереметева из нижегородской дворянской ветви рода – двоюродная сестра Петра Борисовича.

В Петербурге при Фонтанном доме, как уже говорилось, находился свой управитель. В 1768 г., покидая Петербург, Петр Борисович учредил петербургскую домовую канцелярию, подчиненную московской.

Домовая канцелярия разрабатывала инструкции по управлению хозяйством. Иногда они касались всех имений, иногда – конкретной вотчины, поскольку часть из них имела свою хозяйственную специфику. Все дела, касающиеся разных вотчин, обрабатывались и докладывались графу, его резолюции рассылались по вотчинам.

В каждой вотчине имелось свое вотчинное правление. Во главе его стоял управитель (управляющий, приказчик или староста). Он назначался хозяином и отстаивал хозяйские интересы, отвечал за доходность имения. Главнейшая обязанность управителя вотчины – обеспечение своевременного и в полном объеме сбора оброка и недопущение недоимок. Часть управителей – это графские крепостные, некоторые из них – выходцы из прибалтийских губерний, а в отдельных случаях на эти должности приглашались даже иностранцы.

Для успешного ведения хозяйства надо было также соблюсти интересы крестьян. Они «всем миром» выбирали своего представителя – бурмистра или атамана, обычно сроком на

[25] Отголоски XVIII века. Вып. X. М., 1905.

год, предпочитая семейных грамотных крестьян, владевших землей. Толковать это как крестьянское самоуправление нельзя, так как любое решение мирского схода мог отменить управитель или приказчик. В результате такого двоевластия возникали нешуточные конфликты между сторонами и даже крестьянские бунты.

Многочисленные документы, касающиеся отдельных вотчин, хранятся в родовых архивах Шереметевых в Российском государственном историческом архиве (РГИА, фонд 1088) и Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, фонд 1287). Они дают возможность изучать систему управления и экономику многих имений. Например, Вощажниковская вотчина включала в себя около 30 селений, а Борисовская – в три раза больше, она состояла без малого из 90 отдельных поселений – кроме самой слободы Борисовки, были другие, меньшие по населенности, слободы и отдельные хутора, в которых проживало более 38 тысяч ревизских душ (то есть лиц мужского пола). Борисовскому вотчинному правлению подчинялось 17 контор, каждая со своим приказчиком. Из документов видно, что уже в середине XVIII в. в Борисовском вотчинном правлении имелись подчиненные приказчику лица – стряпчий (своего рода юрисконсульт), три писаря (их на старый манер иногда именовали повытчиками, подьячими), под их началом находились писцы. Были и другие должностные лица, часть из них – «земские», то есть обслуживали нужды и интересы крестьян, по большей части неграмотных.

Домовая канцелярия вела не только хозяйственные документы по имениям. Там выдавались разрешения на «отлучку» от вотчины, к которой приписан крепостной (так называемые «паспорта»), разрешения на женитьбу или замужество, разбирались спорные дела между крестьянами, проводился набор в рекруты и т. д. Здесь велись журналы наказаний и поощрений крестьян и служителей. Они тоже сохранились в родовом архиве Шереметевых[26]. Главная награда от барина своим крепостным – отпуск «вечно» на волю. Вольноотпущенные, как их тогда называли, по закону должны были приписаться к какому-либо сословию – в мещане или купцы какого-либо города. Наказывали за нерадивость, воровство, пьянство, буйство, изнасилование. Виды наказания применялись разные: порка плетьми, ссылка в дальние вотчины, отдача в рекруты на 25 лет или «в каторжные работы», означавшие отрыв от своей семьи.

Для подготовки управителей и других грамотных служителей, которых требовалось немало, граф Петр Борисович учредил в селе Кускове особое учебное заведение (Кусковскую школу), позже ее будут называть «Канцелярский институт». Система эта оказалась очень разумна: на жалованье вольнонаемным администраторам требовались немалые деньги. Затратив сравнительно меньше средств, можно было иметь своих специалистов. Из выпускников этого частного учебного заведения вышла почти вся крепостная «элита» первой половины XIX в. В одном из исследований названа впечатляющая цифра: через такую «профессиональную подготовку» прошло более двух тысяч человек[27].

При графе Петре Борисовиче существовала так называемая Крепостная коллегия, куда входили управители вотчин. На этот факт обращали внимание еще в 1920-е гг. первые исследователи шереметевского родового архива, хранившегося тогда в Фонтанном доме[28]. Крепостная коллегия напоминала по стилю работы органы государственного управления.

Хозяину важно было иметь надежного человека для управления всеми имениями. Особенно это стало актуально для петербургской усадьбы – Фонтанный дом служил своего рода визитной карточкой графского семейства, здесь было сосредоточено большое число дворовых. Управители Фонтанного дома – это высшая прослойка дворовых, которая пользовалась особым доверием владельца. При графе Петре Борисовиче еще некоторое время оставался в должности управителя Иван Бем. На смену ему назначили Василия Якимовича Замятина.

---

[26] РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Там содержится несколько дел с журналами наказаний, относящихся к XVIII в.

[27] *Антонова Л.В.* Крепостные таланты в усадьбах Шереметевых. М., 1964. С. 5.

[28] Записки ИБО. С. 149.

Василий Замятин и его семья

Имена В.Я. Замятина и членов его семьи неоднократно встречаются как в документах родового архива, так и в метрических книгах и в исповедных ведомостях приходской церкви Симеона и Анны. Мы не знаем точно, когда и где родился Замятин. О дате рождения можно судить по некоторым косвенным данным, но они, как нередко бывает, противоречивы. Так, в 1750 г. среди пришедших к исповеди служителей «дому графа Шереметева» записан управитель Василий Якимов сын Замятин, 40 лет, жена его Прасковья Степанова, 33 лет, сын Тимофей, 10 лет[29]. В 1765 г. к исповеди явились управитель Василий Якимов Замятин, 61 года, жена его Прасковья Степанова, 54 лет, и дочь их Елизавета, 13 лет[30]. Возраст в исповедных ведомостях псаломщик обычно записывал со слов причастника. Таким образом, можно предположить, что Замятин родился между 1710 и 1712 гг. – то есть близко ко времени основания усадьбы на Фонтанке. Выше упомянуто о двух его детях, но были и другие. Старший сын, Тимофей, родился около 1740 г.; Елизавета появилась на свет в 1750 г.; в 1754 г. родился Василий, который умер в возрасте 6 недель[31]; в 1756 г. родился сын Иван, который также умер в возрасте одного года.

Управители всегда находились в привилегированном положении. Оно подчеркивается таким, например, обстоятельством, как выбор восприемников при крещении детей. Так, при крещении Елизаветы Замятиной ее крестным отцом стал архитектор Савва Иванович Чевакинский, принимавший участие в строительстве главного усадебного дома, при крещении Ивана Замятина восприемниками стали граф Николай Петрович и его старшая сестра, графиня Анна Петровна. У В.Я. Замятина были свои служители из крепостных, что также подчеркивает особое положение управителя в системе крепостной администрации. Сохранившиеся документы не дают, к сожалению, возможности оценить его человеческие и административные качества.

Василий Якимович Замятин умер 28 мая 1773 г. и погребен на Лазаревском кладбище Александро-Невского монастыря, на надгробии отмечено, что жил он 75 лет 3 месяца и 28 дней[32]. Следовательно, дата его рождения «передвигается» на еще более ранний срок. Примечательно, что управитель погребен на самом престижном в то время кладбище Петербурга, где хоронили и самих Шереметевых. Место для погребения на Лазаревском кладбище стоило очень дорого.

Особое положение среди прочих служителей занимали и члены семейства В.Я. Замятина. В метрических книгах приходской церкви часто упоминаются как восприемники детей крепостных служителей его жена Параскева Степановна, сын Тимофей и дочь Елизавета.

Тимофей Замятин в начале 1760-х гг. значился служителем дома графа Шереметева, однако к 1765 г. он поступил на государственную службу. Это обстоятельство указывает на то, он уже не был крепостным, поскольку крепостные не имели на это права. В 1767 г. Тимофей значится как «Правительствующего Сената подканцелярист», затем сенатский канцелярист, в 1779 и 1781 гг. он упоминается как губернский секретарь. Связей с шереметевской усадьбой Тимофей Замятин не прерывал, и 26 октября 1768 г. он венчался с Ириной Васильевой, дочерью умершего священника домовой церкви Фонтанного дома. Поручителями при венчании в метрической книге записаны отец жениха и служитель Василий Вороблевский[33]. Брак моло-

[29] ЦГИА СПб Ф. 19. Оп. 112. Д. 90. Л. 536 об. И. в.

[30] ЦГИА СПб Ф. 19. Оп. 112. Д. 178. Л. 286 об. И. в.

[31] Там же. Оп. 111. Д. 36. Л. 372. М. к.

[32] ЦГИА СПб Ф. 19. Оп. 122. Д. 57. Л. 400 об. М. к.; Петербургский некрополь (далее – ПН). Т. 2. СПб., 1912. С. 185.

[33] ЦГИА СПб Ф. 19. Оп. 111. Д. 64. Л. 362 об. М. к.

дого Замятина с дочерью священника показывает, что семья жениха стояла выше по статусу, чем другие служители.

У Тимофея Замятина и его жены родилось пятеро детей: в 1772 г. сын Николай, умерший в годовалом возрасте «от колотья» – так почти всегда в метрических книгах того времени обозначали причину смерти младенцев. В 1774 г. у них родилась дочь Анна, в 1877 г. – дочь Евдокия (она тоже умерла, не дожив до года), в 1779 г. – сын Никита и в 1781 г. – дочь Мария. Восприемниками детей стали бабушка Параскева Степановна и капитан (позже премьер-майор) Григорий Львов, что также свидетельствует о переходе Замятиных на другой, более высокий социальный уровень. О судьбах этих представителей третьего поколения рода Замятиных сведений пока не обнаружено.

Семья служителей Чубаровых

Среди петербургских служителей «дому графа Шереметева» значится семейство Чубаровых. Из какой именно вотчины они попали в Петербург, неизвестно, но прежний их владелец – князь А.Б. Черкасский. Иван Чубаров находился в Петербурге, судя по сохранившимся документам, уже в 1730-е гг., когда отстаивал в суде имущественные интересы своего тогдашнего хозяина, князя Черкасского[34]. Иван Васильевич Чубаров оставался особо доверенным лицом графа Петра Борисовича, он был, безусловно, грамотным и опытным служителем. Летом 1763 г. управитель Чубаров сопровождал своего барина в поездке по вотчинам. В Дневнике этого путешествия есть запись за 28 июля: «Выдано Чубарову за издержанные собственные его деньги на покупку раков и в подаче в милостину 80 к. В городе Володимере выдано Ивану Чубарову на раздачу в милостину 4 р. 50 к.»[35]. При нем состоял особый дворовый человек. Чубаров исполнял разные обязанности: значился казначеем, а по штату 1768 г. – официантом и мундшенком со сравнительно высоким окладом – 30 руб. и 50 руб. «на платье»[36]. Позже граф распорядился перевести его в Москву, управителем Кускова и всех московских домов. Незадолго до смерти граф П.Б. Шереметев повелел определить его в Домовую канцелярию «на правах с управителями»[37]. Чубаров умер в Москве в начале весны 1788 г., и на его место из Петербурга в Москву перевели Ивана Петровича Аргунова. В приказании, посланном управителю Фонтанного дома Петру Александрову, есть такие строки: «…бывший при доме моем управителем Иван Чубаров умре, то на место его определяю Ивана Аргунова…»[38]. Семья покойного Чубарова получала от графа пенсию и жила в московском доме графа, где поселилась и семья Аргунова.

Сын Чубарова Алексей продолжал службу при графе Николае Петровиче: по штату 1803 г. значился подкамердинером «при комнатах графа» с жалованьем 188 руб. в год. Он пользовался особым доверием и фактически стал секретарем графа. В его обязанности входило, например, ведение особой тетради для записи всех приказаний, он же должен был держать под контролем их исполнение[39]. По завещанию Николая Петровича, он получил «в награждение» 12 тыс. руб. и вольную, оформленную в 1809 г.[40]

Видное место в системе администрации занимали братья Ивана Чубарова, Антон Васильевич и Тимофей Васильевич Чубаровы. По штату 1768 г. при каждом из них состояли «хлопцы» – мальчики для посылок. Их имена присутствуют в метрических книгах Симеонов-

[34] Записки ИБО. С. 63.

[35] Отголоски XVIII века. Вып. X. С. 20, 31.

[36] РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 1407, 1411, 1509.

[37] Там же. Д. 1524.

[38] Отголоски XVIII века. Вып. VIII. М., 1900. С. 3.

[39] РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 217. Л. 4.

[40] Там же. Д. 55. Л. 70.

ской церкви 1760-х гг., где они записаны восприемниками или поручителями при венчании дворовых людей. Тимофей Чубаров вместе с дочерью управителя Замятина был восприемником при крещении в 1770 г. дочери дьякона домовой церкви Петра Иванова Гавенкова, а Антон Чубаров – восприемником младенца Николая, сына «Василия Александрова, живописца», что тоже указывает на их более высокое положение в иерархии служителей[41]. Антон Чубаров в 1772 г. был переведен из Петербурга управителем Кускова, в архиве сохранились «Инструкции», данные ему графом Петром Борисовичем.

В числе пришедших к исповеди в 1808 г. значится еще служитель Николай Чубаров, 29 лет. К сожалению, нам не встретилось указание на его отчество, но, без сомнения, он принадлежал к этому доверенному семейству. В том же году, при формировании штата новообразованной Домовой канцелярии в Петербурге, Николай Чубаров определен на должность первого бухгалтера с окладом 600 руб. в год[42].

Александровы

При графе Петре Борисовиче и при его сыне важное место в управлении графскими имениями играло крепостное семейство Александровых. Неизвестно, к какой вотчине они были первоначально приписаны. Известны имена пяти братьев: Дмитрий, Петр, Никита, Осип и Алексей. В то время все они еще не имели трехчастного фамильного прозвания, писались собственным именем, данным при крещении, с прибавлением имени отца (Александра). И лишь их дети (третье поколение) приобрели постоянное трехчастное прозвание: фамилию, имя и отчество. Старшие братья Дмитрий, Петр и Никита, более полувека занимали первенствующие места среди служителей Фонтанного дома.

Дмитрий Александров родился в середине 1730-х гг.: по исповедной ведомости 1765 г. ему 31 год, в 1780 г. указан его возраст на тот момент – 41 год. В списке служителей на 1774 г. он поименован стряпчим и старшим писарем, при нем состояло четверо служителей в помощь[43]. Это не просто доверенное лицо, но своего рода крепостной юрисконсульт, поверенный в делах, обладавший специальными знаниями и пользовавшийся полным доверием хозяина. Ему приходилось жить между двумя столицами. В 1780 г. Дмитрий Александров с женой Ириной Антоновой, 30 лет, значится в исповедной ведомости Симеоновской церкви[44]; в январе 1782 г. в метрической книге того же храма есть запись о рождении и крещении их сына Павла. Скончался Дмитрий Александров в Петербурге 5 марта 1785 г., в возрасте 54 лет, «от горячки» и похоронен на Волковом кладбище[45].

Дмитрий Александров был дважды женат, оба раза венчался в Петербурге. Его первая жена, Параскева Ивановна, умерла в июне 1774 г. в возрасте 30 лет «от водяной»[46]. Во второй брак он вступил в ноябре того же 1774 г. со служительницей графа Кирилла Григорьевича Разумовского Ириной Антоновой[47]. Его сын от второго брака Павел Дмитриевич Александров сначала находился в обучении у художника Николая Аргунова, но в январе 1803 г. определен «в Контору к Дмитрию Григорьевичу в писцы…»[48]. Имеется в виду «правитель дел» Собственной канцелярии графа Н.П. Шереметева Д.Г. Малимонов, о котором речь впереди. В штате Канцелярии он числился экспедитором в Хозяйственной экспедиции, по распоряжению

[41] ЦГИА СПб Ф. 19. Оп. 111. Д. 68. Л. 323. М. к.
[42] РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 217.
[43] РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 1520.
[44] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 284. Л. 841 об. И. в.
[45] Там же. Оп. 111. Д. 98. Л. 440 об. М. к.
[46] Там же. Д. 76. Л. 375. М. к.
[47] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 76. Л. 373 об.
[48] РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 217. Л. 9.

Опеки над личностью и имением малолетнего графа Дмитрия Николаевича в 1815 г. назначен помощником своего заболевшего дяди, управителя Никиты Александрова, для охранения особо ценного движимого графского имущества (бриллианты, золото, серебро, ломбардные билеты, закладные, наличные деньги)[49]. Впоследствии Павел Дмитриевич получил вольную, но остался при Фонтанном доме, служил секретарем при попечителе малолетнего графа Дмитрия Николаевича Шереметева М.И. Донаурове, был «награжден» чином сенатского регистратора. В 1811 г. Павел Дмитриевич Александров венчался в Симеоновской церкви с девицей Матреной Екимовой, вольноотпущенной от княгини Елены Никитичны Вяземской. Павел Александров умер в октябре 1836 г. в возрасте 54 лет, «от горячки», погребен на Волковом православном кладбище[50]. У супругов родилось пятеро детей, но их судьба неизвестна. Во всяком случае, они были уже свободными людьми.

Брат Дмитрия Александрова, служитель Алексей Александров, в 1788 г. значился в должности кусковского управителя.

Дольше всего в Фонтанном доме прослужил Петр Александров, третий член этого семейства. Он родился около 1742 г.: согласно исповедной ведомости 1780 г., ему на тот момент исполнилось 38 лет. По штату 1768 г. он обозначен первым из официантов с жалованьем 16 руб. в год. После отъезда графа Петра Борисовича из Петербурга в Москву Петр Александров с двумя другими управителями отвечал за все хозяйственные дела и всех служителей. Скорее всего, он был повышен из служителей до управителя в 1774 г., после смерти Замятина, и при нем состояло четверо служителей в помощь[51].

Петру Александрову адресовано множество приказаний от графов Петра Борисовича и Николая Петровича по разным вопросам – как хозяйственного, административного, так и личного характера.

В мае 1772 г. граф Петр Борисович Шереметев в своем «повелении» управителю петербургского Фонтанного дома Петру Александрову приказывал: «Во многих газетах пишут, что касается до моего имени, не пишут ни графства, ни имени моего, а иные пишут фамилью Шереметьева. Того ради в Академию съездить и о том объявить и попросить, чтоб то графство, имя и отечество были печатаны так, как про многих, которые малые чины имеют, печатают порядочно»[52]. Академия наук упоминается в связи в тем, что именно в академической типографии печаталась газета «Санкт-Петербургские ведомости».

После переезда своего в Москву граф часто поручает своему управителю покупки дорогостоящих вещей: картин, бриллиантовых украшений, мебели, заморских тканей, игрушек, косметических средств, а также французских книг, французских вин и др. «Лапиеру за написание моего портрета велеть заплатить Ивану Аргунову 900 руб. из доходов Миллионного дома. 1 июля 1872. Мещериново»[53]. «Отписки твои от 27 дня [февраля 1788 г.] и приложенные при том газеты и кафтан мой, вышитый в Петербурге, получены, и кафтан вышит изрядно…». «Отписка твоя сего марта от 23 получена, которою представляешь – образцов манжеты тобою получены и по отыскании кружев точно такие сделать закажешь…». «Отписка твоя от 1 сего месяца получена. Пишешь, что бархат на дело сапогов тобою отправлен, а замши по покупке пошлются ж. Того ради присылкою замшев поспешить, потому что оные для меня нужны…»[54]

[49] Там же. Д. 288. Л. 24.

[50] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 280. Л. 426 об. М. к.

[51] РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 1512.

[52] Граф Петр Борисович Шереметев. Хозяйственные указы управителям… // Русский архив. 1898. Вып. 4. С. 516.

[53] Там же. С. 517.

[54] Отголоски XVIII века. Вып. VIII. М., 1900. Л. 4–5.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.